

УДК 82-311.4:821.161.1

ББК Ш5 (2Рос=Рус)6-4

ГСНТИ 17.09.91

Код ВАК 10.01.01

E. Yu. Sher

Ekaterinburg, Russia

Е. Ю. Шер

Екатеринбург, Россия

**БЕЗ ПРАВА НА НЕЗАВИСИМОСТЬ («ПОСЛЕДНИЙ КОЛОННА» В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА
В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙНЫХ ИСКАНИЙ
РУССКОГО ОБЩЕСТВА)**

Аннотация. Анализируются особенности восприятия и осмыслиения фактов общественно-литературной жизни России первой половины XIX в. «сквозь мрачные затворы крепостных казематов» политическим заключенным, ведущим активную литературную деятельность.

Ключевые слова: В. К. Кюхельбекер; «Последний Колонна»; «дух времени»; общественно-литературная ситуация; 1830-е гг.

Сведения об авторе: Шер Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: elena-ju-scher@yandex.ru.

Роман В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна» относится к числу малоизученных произведений. Во многом это обусловлено тем, что впервые роман был издан в 1937 г. (спустя почти век после написания) и не переиздавался вплоть до 1970-х гг.

Совершенно очевидно, что «Последний Колонна» с самого своего возникновения не был, по терминологии Ю. Н. Тынянова, «литературным фактом», т. е. явлением, вошедшем в литературную жизнь эпохи, отразившимся в ней и оказавшим на нее то или иное воздействие, поскольку оказался изолирован, оторван от современного ему литературного процесса в силу объективных обстоятельств. Роман Кюхельбекера не изменил своего статуса и на сегодняшний день: став все фактом литературы, он так и не был вписан в историко-литературный процесс 30-х гг. XIX в.

Б. М. Эйхенбаум, признавая, что В. К. Кюхельбекер «не из тех писателей, о которых можно говорить уверенно и спокойно, не боясь упреков в преувеличении, или вискажении исторической перспективы, или, наконец, в эпатировании», откровенно называет его «живым трупом», так как после 1825 г. «Кюхельбекер был вовсе забыт — и как человек, и как писатель» [Эйхенбаум 1986: 200, 208]. Действительно, для большинства читателей судьба В. К. Кюхельбекера и тем более его литературная деятельность фактически обрывалась Сенатской площадью, а 21 год крепостей и ссылки оказывался лишь фактом частной биографии, никак не соотносимым с общественно-литературной жизнью России.

Однако именно 1830-е гг., по замечанию Т. А. Ложковой, стали для В. К. Кюхельбекера «зенитом творческой зрелости» [Ложкова 2004: 10]. В это время он создает ряд значительных произведений в разных жанрах: драмы «Ижорский» (1826), «Прокофий Ляпунов» (1834), «Иван, купецкий сын» (1842), поэмы «Давид» (1829), «Сирота» (1834), «Юрий и Ксения» (1836), «Агасвер» (1846),

**WITHOUT ANY RIGHT FOR INDEPENDENCE
«THE LAST KOLONNA» BY V.K.KUHELBEKER
IN THE CONTEXT OF THE SEARCH FOR IDEAS
OF THE RUSSIAN SOCIETY)**

Abstract. Peculiarities of perception and comprehension of social literary life of the first half of the XIXth century in Russia by political prisoners leading active literary life «through dark gates of prison cells» are analyzed.

Key words: V.K.Kuhelbeker; «The Last Kolonna»; «spirit of the time»; social literary situation; 1830.

About the author: Sher Elena Yurievna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

незаконченный прозаический фрагмент «Русский Декамерон 1831 года» и роман «Последний Колонна» (1832—1843).

Безусловно, понять творчество Кюхельбекера 30-х гг. и конкретно его роман «Последний Колонна» невозможно вне контекста духовной жизни и идейных исканий русского общества той поры, литературной обстановки эпохи.

1825 год для России стал истинной катастрофой, в первую очередь мировоззренческой: была разрушена не только идеологическая, но и философская система и система нравственных ценностей, литература оказалась в очень жесткой, неблагоприятной ситуации, происходило усиление цензурного контроля, контроля за общественным мнением. Первые годы, последовавшие за 1825-м, по свидетельству А. И. Герцена, «были ужасны». Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении порабощенного и гонимого существа» [Герцен 1954, т. 7: 214]. 1830-е гг. в России были отмечены резким подъемом чувства личности, вызванного сдвигами в общественном сознании, в мироощущении поколения, «разбуженного выстрелами на Сенатской площади». Этот сдвиг был в первую очередь способом сопротивления и самозащиты в ответ на давление извне, которое личность испытывала в условиях нового политического режима Николаевской эпохи. Единственно возможным, «достойным человека поприщем» для «„впугнанной в раздумье“ России стала духовная деятельность» [Ермоленко 1996: 58—59].

Романтический тип сознания утратил прежнюю оптимистичность и приобрел новые черты, среди которых на первое место выдвигается склонность к «любомудрию», глобальному осмыслиению частных проблем, осознанию самых общих закономерностей бытия и ощущению всеобщей неустроенности — своего рода мирового беспорядка: «Вынужденные молчать, сдерживая слезы, мы научились,

замыкаясь в себе, вынашивать свои мысли — и какие мысли!» [Герцен 1954, т. 7: 225].

Идея личности, возвращенная романтизмом, приобретает в эти годы небывалую значимость, становится центральной проблемой времени. Актуализируется романтическая тема свободного самопроявления личности. Л. Я. Гинзбург отмечает, что «напряженное внимание к идее личности, в такой форме и степени не свойственные ни людям декабристской закваски, ни даже идеалистам-романтикам, сложившимся в 20-х годах», отличает русских романтиков 30-х гг. [Гинзбург 1974: 140]. «Нравственное и в то же время психологическое саморассмотрение», по мнению исследовательницы, становится важнейшей установкой для всей последекабристской литературы [Гинзбург 1971: 43]. «Уход в себя, в пристальное самонаблюдение», связанное с «напряженной работой мысли, „бореньем дум“, на его высшем подъеме» проявляется в стремлении человека к совершенствованию, к улучшению своей моральной природы (выделено автором — Е. Ш.) [Бродский 1941: 23—24]. Как пишет Е. М. Пульхритудова, «подверженное „декабристским настроениям“ творчество 30-х гг. целиком погружено в философские и эстетические искания, общественная мысль „бьется и мучается над разрешением нравственных вопросов о правах и судьбе человеческой личности“ [Пульхритудова 1960: 126], о ее взаимоотношениях с обществом, судьбе и границах собственной воли человека, его месте в системе мироздания.

Напряженный интерес к внутреннему миру личности обусловливается в первую очередь «философскими интересами молодой России 1830-х годов», к середине которых «основным средством анализа душевной жизни» становится, по верному замечанию Л. Я. Гинзбург, «гегельянская терминология» [Гинзбург 1971: 85; Гегель и философия в России: 52—122]. Основой всего сущего (и в первую очередь человека как высшей ступени развития) становится некая «мистическая объективная», «абсолютная идея» («абсолютный дух») [Гегель 1956], а потому духовный мир всякой личности представляет всеобщую ценность.

Рассматривая мировоззренческую ситуацию начала XIX в., А. В. Михайлов указывает на исторически обусловленное тяготение русской мысли к диалектике, явленной в «бурно развивающейся немецкой идеалистической философии»: «Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель продумывают ... как бы те формы мысли, в которых она потечет дальше в разных странах Европы»; «На рубеже XVIII—XIX веков завершается происходивший подспудно, а теперь восторжествовавший процесс — Я завоевывает себя, то есть осознает свою автономность, это Я превращается в такую точку в мире, с которой и от которой отчитываются все мировые смыслы» [Михайлов 2000: 21, 29].

Как следствие, на передний план выходит внимание к «истории души человеческой», к психологии человека, утверждается принципиальная открытость интимной, внутренней жизни, растет интерес к анализу, самопознанию личности. Требование максимальной полноты раскрытия внутреннего мира, самовыражения характеризует духовную жизнь 30-х гг. XIX в.

Приметой времени «всеобщего исповедания» (С. И. Ермоленко) становится рефлектирующий герой — сын своей эпохи. По мнению У. Фохта, именно «тяжелая обстановка реакции» определила «развитие характерологии» главным образом в направлении «усиления психологизма, а не действия, события» [Фохт 1963: 76]: «потребность личности в непрестанном самопознании и само-раскрытии» [Гинзбург 1957: 81] ведет к необходимости психологического анализа. Данная примета времени проявляется в творчестве как романтиков (например, в романе В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна»), так и тех художников, которые начинают активно осваивать реалистические принципы изображения (примером может служить роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»).

Обращаясь к позднему творчеству Кюхельбекера, прежде всего следует отметить удивительную отзывчивость художника на актуальные проблемы времени: «Идеи, которыми была насыщена общественная атмосфера 30-х гг., медленно и с большим трудом проникали сквозь мрачные затворы крепостных казематов, где томился в это время Кюхельбекер, — пишет Е. М. Пульхритудова. — И нужна была огромная чуткость к запросам времени, чтобы откликнуться на них сначала в одиночном заключении, а затем в „хладной пустыне“ сибирской ссылки» [Пульхритудова 1960: 127]. Кюхельбекер следил за явлениями жизни русского общества, литературного мира, насколько мог следить за ними человек, удаленный почти на семь тысяч верст от центра литературной деятельности. Исследователей поражает прежде всего именно удивительное «родство времени» (Ю. Н. Тынянов), которое испытывает Кюхельбекер по отношению ко всей русской литературе той эпохи.

А. Рыпинский, современник Кюхельбекера, так вспоминал о встрече с ним: «Это человек великой души... <...> Кто с ним провел хоть несколько вечерних часов, не мог не обнаружить в нем редкого ума, кристально-чистой души и глубокой образованности. <...> Единственным его занятием, единственной отрадой в тюрьме была литература» [Поэты-декабристы 1980: 304—305]. Стремясь «делать в жизни добро словом и делом», В. К. Кюхельбекер, даже будучи изолированным от общественной жизни, продолжал «живь литературой, наукой, искусством» [Там же: 309]. Ю. В. Косова, дочь поэта, вспоминает: «...его поэтические стремления ... помогали ему перенести, без уныния и без утраты умственных способностей, весь ужас десятилетнего одиночного заточения; довольствуясь своим нравственным миром, он ... все ... облекал в звучанье» [Косова 1875: 335]. Так, будучи «отделенным от людей и жизни», читая только старые журналы и почти не имея новых книг, Кюхельбекер все-таки сумел уловить основные особенности современного ему литературного движения, обусловленные вызреванием новых реалистических тенденций, столь неоднозначно воспринятых художником и критиком, остающимся и в 1830-е гг. человеком декабристской закваски [Тынянов: V-LXXIX; Соколов 1976: 258; Левкович: 172; Королева, Рак 1979: 616—619 и др.]. В. И. Коровин указывает, что хотя Кюхельбекер и «был насильственно отторгнут от

русской жизни, от идейной и литературной борьбы, от русской литературы, воспринявшей реалистический метод», «духом времени» проникнуто все его творчество. «Новые эстетические искания», свойственные всей русской литературе того времени, с наибольшей «полнотой и определенностью», по мысли исследователя, воплотились в романе Кюхельбекера «Последний Колонна» [Коровин 1990: 394, 395].

А. Богучаров, характеризуя литературную деятельность Кюхельбекера в период заключения, отмечает: «Крепость на замке, а В. К. Кюхельбекер и видит, и провидит, и действует. И с ним ничего нельзя поделать. ... Не потому ли его лихорадочно переводят из крепости в крепость, точно перепрятывают?» [Богучаров 1986: 115].

В 1838 г. А. И. Герцен писал: «Каждая самобытная эпоха разрабатывает свою субстанцию в художественных произведениях, органически связанных с нею, ею одушевленных, ею признанных. Пора оставить несчастное заблуждение, что искусство зависит от личного вкуса художника или от случая. Религия, наука и искусство всего менее зависят от всего случайного и личного; одно низкое пониманье их может поставить их в такую недостойную зависимость. ... великий художник не может быть несовременен. Одной посредственности предоставлено право независимости от духа времени» (выделено нами — Е. Ш.) [Герцен 1954, т. 1: 326—327]. Эти слова, без сомнения, в полной мере можно отнести и к В. К. Кюхельбекеру, который даже в «мертвой тьме уединенья» смог уловить «дух» новой литературной эпохи.

Так, в первую очередь, Кюхельбекеру свойствен глубокий интерес к человеческой душе. Определяя главный предмет своей поэзии — человека, он писал (Н. Глинке от 3 мая 1834 г.): «Грузином ли я его назову, греком ли, древним ли, новым ли — желаю только, чтобы в моих изображениях, несмотря ни на какие несообразности в костюме и никакие анахронизмы, можно было узнать человека — страсти, слабости, душу человеческую» [Кюхельбекер 1938: 9]. Возможность этого познания, подобно своим современникам, художник видел на пути осмысления проблемы личности в ее взаимоотношениях с миром, тесно связанной с постоянно занимавшей его идеей судьбы.

Вместе с тем в 30-е гг. XIX в. изменился взгляд Кюхельбекера на человеческую природу в сравнении с предыдущим творчеством [Королева, Рак 1979: 615—643]. «Если раньше для поэта-декабриста и для его единомышленников, — пишет Е. М. Пульхритудова, — все люди делились на два разряда (говоря словами Лермонтова, „в одном все чисто, а в другом все зло“), то теперь он приходит к мысли, что не все так просто и однозначно во внутренней жизни человека, как некогда казалось» [Пульхритудова 1960: 131—132]. «В груди каждого человека, — убежден теперь художник, — заключаются зародыши всех, как добрых, так и дурных склонностей, каждой в особенностях» [Кюхельбекер 1979: 160]. Данное философское понимание природы человека, вероятнее всего, восходит к Шеллингу, и в частности к его «Философским исследованиям о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» (1809).

Заметим, что в начале 30-х гг. XIX в. учение Шеллинга о противоречиях как источнике развития с его важнейшим тезисом о единстве добра и зла было близко русскому романтическому мышлению [Купреянова: 343—361; Шумакова 2001: 100—117]. Например, в произведении «1831-го июня 11 дня» Лермонтов обосновывает принципиальную неразрешимость вечных противоречий в себе и мире как присущее человеческой природе свойство:

Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого [Лермонтов 1954: 184].

Т. Л. Шумкова, размышляя об истоках русского любомудрия, замечает: «„Новый мир“ немецкой классической философии открывается русскому сознанию с начала века, а в 20-е годы становится для него подлинным откровением. ... Вплоть до 40-х годов Россия находится под обаянием шеллингианства» [Шумакова 2001: 100]. «Для лучшей части нашей молодой интеллигенции 1820—30-х гг., — констатирует И. Кубасов, — философия Шеллинга была неисчерпаемым родником новых взглядов на мир во всем его целом» [Кубасов 1905: 130].

Об интересе Кюхельбекера к Шеллингу свидетельствуют прежде всего дневниковые записи писателя. 20 марта 1835 г., находясь в одиночном заключении, В. К. Кюхельбекер указывает в дневнике: «Сегодня начал я Шеллинговы „Исследования о существе человеческой свободы“. Начало этого творения удивительно: какая глубина и вместе какая ясность! Преклоняю колено перед великим мыслителем». И на следующий день: «Целый день читал я Шеллинга. Необыкновенно великий человек! (...) Не ограничусь выписками отдельных мыслей, а постараюсь отдать себе отчет во всей его системе. Может быть, это пригодится не мне одному» [Кюхельбекер 1979: 358]. 10 лет спустя, в письме к В. А. Жуковскому от 20 декабря 1845 г., описывая начатые им «Извлечения из дневника о книгах, которые читал последние 20 лет», Кюхельбекер особенно выделил философию Шеллинга, так поразившую его [Там же: 649]. Несомненно, стремясь «отдать себе отчет во всей его (Шеллинга) системе» (а запись от 21 марта 1835 г. свидетельствует о том, что Кюхельбекер, делая из Шеллинга выписки, попутно излагал и свое понимание его системы), писатель-романтик не мог пройти мимо идеи «человеческой свободы», не «дав себе отчет» в ее «сущности» (что, как нам кажется, нашло отражение и в его творчестве, в частности в романе «Последний Колонна»).

По Шеллингу, «добро и зло суть одно и то же, лишь рассмотренные с разных сторон ... Поэтому ... тот, в ком нет ни материала, ни сил для зла, не способен и к доброму» [Шеллинг 1908: 61]. Поскольку добро и зло изначально неразрывно связаны, «рождены из одной основы», то и в душе человека нет и не может быть разных, не связанных друг с другом абсолютных начал, все в нем сплита, двуединно: «В человеке содержится вся мощь темного начала, в нем же — вся сила света. В нем — глубочайшая бездна и высочайшее небо, или оба центра» [Там же: 30]. Но, несмотря на связь обоих начал в душе человека, Шеллинг убежден, что

«единство это должно быть в человеке раздельным», так как именно в этом «тождестве обоих начал» и есть «возможность добра и зла»: «Человек вознесен на такую вершину, на которой он в равной степени содержит в себе источник своего движения в сторону добра и в сторону зла ... Он находится на перепутье: что бы он ни выбрал, решение будет его деянием, но не принять решения он не может...» (выделено нами — Е. Ш.) [Там же: 30].

Значит, по логике философа, человек свободен, волен сделать свой собственный выбор, решить, в каком направлении ему двигаться — «в сторону добра» или «в сторону зла». Так актуализируется проблема свободы воли, столь значимая для романтического мышления начала XIX в. Однако, осмысливая проблему «сущности человеческой свободы» и связанную с ней проблему нравственного выбора, Шеллинг оговаривается: «То, как человек принимает решение следовать злу или добру, еще полностью окутано мраком и требует, по-видимому, отдельного исследования» [Там же: 45]. Возможно, именно этот «мрак» и стремится «развеять» Кюхельбекер, поднимая в своем романе вечные философские вопросы, в том числе важнейший для эпохи 30-х гг. — вопрос о свободе воли личности и границах этой свободы. Идущее от философии Шеллинга понимание природы человека как двуединства темного и светлого начал обуславливает и возникшую перед писателем необходимость сосредоточенно-углубленного внимания к внутреннему миру личности, особенностям ее характера. Поэтому основной задачей в «Последнем Колонне» Кюхельбекера, как считает Е. М. Пульхритудова, становится изображение внутреннего мира «героя времени». Именно «воссоздание психологических противоречий характера главного героя романа», по мнению исследовательницы, проведено писателем наиболее полно и последовательно [Пульхритудова 1973: 69].

По мысли Е. М. Пульхритудовой, «Последний Колонна» был задуман «как очередная инвектива против „байронического героя“» [Пульхритудова 1960: 128], что подтверждается размышлениями самого Кюхельбекера по поводу «Беппо», «Дон Жуана» Байрона и «Евгения Онегина» Пушкина: «...они <Байрон и Пушкин — Е. Ш.> смотрят на ... мир как судьи, как сатирики ... личность их нас беспрестанно разочаровывает — мы не можем обжиться с их героями, не можем забыться. ...выходки Байрона и Пушкина заставляют меня презирать и ненавидеть мир, ими изображаемый, а удивляться только тому, как они решились воспевать то, что им казалось столь низким, столь ничтожным и грязным» [Кюхельбекер 1979: 65]. Неприятие возвеличивания недостойных («ничтожных»), по мнению Кюхельбекера, персонажей тем не менее не означает отрицания писателем необходимости их изображения в современной литературе: «Горок гнусен — но и в порочной душе бывает нередко энергия; и эта энергия никогда не перестанет быть прекрасным и поэтическим явлением» [Там же: 359]. Двойственность, противоречивость притягивают, завораживают. Вследствие этого «экспериментальное исследование

души» (Е. М. Пульхритудова) и сложных противоречий психики «героя времени» становится для Кюхельбекера первостепенной задачей.

Поднимая «важный современный вопрос о внутреннем человеке» (В. Г. Белинский), Кюхельбекер стремится к познанию «души человеческой» через изображение «страстей»: «узнать человека», по Кюхельбекеру, — значит узнать « страсти, слабости, душу человеческую».

Особое внимание общественно-художественной мысли к психологии, душе человека породило интерес в первую очередь к «исповедальным» формам (письмо, дневник, исповедь) [Гинзбург 1971; Ермоленко 1996]. Этим интересом и обусловлен выбор Кюхельбекером именно эпистолярной формы романа.

В. К. Кюхельбекер сумел подчинить ставшую уже традиционной к моменту начала работы над «Последним Колонном» жанровую форму занимающей его ум задаче изображения «страстей» и «души человеческой».

Таким образом, писатель, оторванный от современного историко-литературного процесса, заточенный в крепость, тем не менее чутко улавливал « дух времени », жил идеями своего времени, воплощая их в своем творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

Богучаров А. Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797—1846) // Богучаров А. Силуэты: очерки, статьи, эссе о русских и советских писателях. — М.: Правда, 1986.

Бродский Н. Л. Философские основы поэзии Лермонтова // Литература в школе. 1941. № 4.

Гегель Г. В. Ф. Философия духа (1807) // Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. — М. : Госполитиздат, 1956. Т. 3.

Гегель и философия в России: 30-е годы XIX века — 20-е годы XX века / гл. ред. В. Е. Евграфов. — М. : Наука, 1974.

Герцен А. И. <Из статьи об архитектуре> // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1.

Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 7.

Гинзбург Л. Я. «Былое и думы» А. И. Герцена. — Л. : Гослитиздат, 1957.

Гинзбург Л. Я. О лирике. — Л. : Сов. писатель, 1974.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. — Л. : Совет. писатель, 1971.

Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996.

Коровин В. И. Кюхельбекер Вильгельм Карлович // Русские писатели: биограф. слов. — М. : Просвещение, 1990. (А — Л).

Королева Н. В., Рак В. Д. Личность и литературная позиция Кюхельбекера // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. — Л. : Наука, 1979.

Косова Ю. В. Вильгельм Карлович Кюхельбекер : очерк его жизни и литературной деятельности // Русская старина. 1875. № 7.

Кубасов И. Одоевский, князь Владимир Федорович // Русский биограф. слов. — СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1905. (Обезьянинов — Очкин).

Купреянова Е. Н. Основные направления и течения в русской литературно-общественной мысли второй четверти XIX века // История русской литературы : в 4 т. — Т. 2.

Кюхельбекер В. К. Прокофий Ляпунов. Трагедия В. Кюхельбекера. 1834 г. — Л. : Совет. писатель, 1938.

Раздел 3. Язык — политика — культура

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. — Л.: Наука, 1979.

Левкович Л. Я. Поэзия декабристов // История русской литературы : в 4 т. — Т. 2.

Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 6 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1 : Стихотворения.

Ложкова Т. А. Лирика декабристов: поэтика жанров : учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004.

Михайлов А. В. Судьба классического наследия на рубеже XVIII—XIX веков и в начале XIX века // Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. — М. : Языки русской культуры, 2000.

Поэты-декабристы в воспоминаниях современников : в 2 т. — М. : Худож. лит., 1980. Т. 1.

Пульхритудова Е. М. «Лермонтовский элемент» в романе В. Кюхельбекера «Последний Колонна» // Филологические науки. 1960. № 2.

Пульхритудова Е. М. Романтическое и просветительское в декабристской литературе 20-х годов

XIX века // К истории русского романтизма. — М. : Наука, 1973.

Соколов А. Н. В. К. Кюхельбекер // Соколов А. Н. История русской литературы XIX века (1-я половина). — М. : Высш. шк., 1976.

Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы. Т. 1.

Фохт У. Пути русского реализма. — М. : Совет. писатель, 1963.

Шеллинг Ф. В. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Философские исследования о сущности человеческой свободы. Бруно, или О божественном и естественном начале вещей. — СПб. : Изд-е Д. Е. Жуковского, 1908.

Шумкова Т. Л. Ф. В. Й. Шеллинг и русская литература первой половины XIX века. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Эйхенбаум Б. М. Творчество Ю. Н. Тынянова // Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. — Л. : Худож. лит., 1986.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. И. Ермоленко